

Путешествие
по Восточной Сибири
И. Булычева

A Journey
through Eastern Siberia
by I. Bulychev

ПУТЕШЕСТВІЕ
по
Восточной Сибирѣ
И. БУДЫЧОВА

ИМПЕРАТОРСКАГО РУССКАГО ГЕОГРАФИЧЕСКАГО ОБЩЕСТВА
ДѢЙСТВИТЕЛЬНОГО ЧЛЕНА.

Иван Демьянович Булычев, Леопольд Немировский и их «Путешествие по Восточной Сибири»

Ivan Demyanovich Bulychev, Leopold Niemirowski, and their *A Journey through Eastern Siberia*

Книга «Путешествие по Восточной Сибири» Ивана Демьяновича Булычева (в оригинале Булычова) появилась на свет благодаря участию автора в сенаторской ревизии И. Н. Толстого, состоявшейся в 1843–1846 гг. Это была не совсем обычная ревизия, прежде всего потому, что проверке подлежала огромная территория целого генерал-губернаторства со сложными природно-географическими условиями, почти полным отсутствием путей сообщения, суровым климатом и крайней труднодоступностью многих ее частей. Естественно, что по времени ревизия растянулась на несколько лет, а участие в ней потребовало не только огромной трудоспособности, но и физической выносливости и даже мужества. Ревизорам пришлось преодолеть обширные пространства, претерпевая в пути многие лишения и трудности. О масштабах грандиозной, труднейшей для того времени, практически настоящей первопроходческой экспедиции, в которую волей-неволей превратилась ревизия, свидетельствует сам И. Д. Булычев:

Я имел случай видеть Сибирь по всем ее протяжениям от Урала до Петропавловского порта: посетив Иркутскую и Енисейскую губернии, пройдя по течению Лены до Якутска, а оттуда до Охотска, я переплыл морем в Петропавловский порт и достиг по восточному берегу до Нижнекамчатска; а потом через западный берег полуострова от Тигиля до Палана и обратно по восточному берегу до Олюторовской губы и через Фарапольский дол прибыл в Гижигу, Охотск и Якутск, а впоследствии посетил весь Забайкальский край [1, с. 2].

В научной литературе существуют различные оценки толстовской ревизии — от положительных, подчеркивающих значительность ее результатов [2, с. 162], до сдержанно критических, сводящих эти результаты к минимуму [3, с. 187]. Все же наиболее объективным представляется мнение Н. П. Матхановой, подчеркнувшей, что «ревизия запомнилась многим жителям Восточной Сибири и стала заметным явлением в истории региона» [4, с. 57]. Мероприятие, продлившееся несколько лет, выявило злоупотребления мест-

A Journey through Eastern Siberia by Ivan Demyanovich Bulychev (the original spelling was Bulychov) saw the light as a result of the author's participation in the senatorial revision headed by I. N. Tolstoy that took place in 1843–1846. It was not an ordinary revision, primarily because it covered a vast area of the Governorate-General, with difficult natural and geographical conditions, an almost complete lack of communication routes, a harsh climate, and the inaccessibility of many parts of the area. Naturally, the revision lasted for several years, and participation in it required tremendous capacity for work, but also physical endurance and even courage. The auditors had to cover vast areas and overcome many hardships along the way. I. D. Bulychev himself testifies to the scale of the grandiose, most difficult for the time, almost a real pioneering expedition which the revision had spontaneously become:

I had the chance to see Siberia stretching from the Urals to Petropavlovsk Port: having visited the Irkutsk and Yenisei governorates, having travelled along the course of the Lena to Yakutsk, and thence to Okhotsk, I sailed to Petropavlovsk Port, went along the eastern coast of the peninsula to Nizhnekamchatsk, then along the western coast from Tigil to Palan and along the eastern coast back to Olyutorovsk Bay, and then travelled through Farapolsky Dol to Gizhiga, Okhotsk and Yakutsk; and, finally, I visited the whole of Transbaikalia [1, p. 2].

There are various opinions regarding Tolstoy's revision in scientific literature — from positive, emphasizing the significance of its results [2, p. 162], to cautiously critical, reducing these results to a minimum [3, p. 187]. Nevertheless, the most objective is the opinion of N. P. Matkhanova, who stressed that “the revision was remembered by many residents of Eastern Siberia and became a notable phenomenon in the history of the region” [4, p. 57]. The event that lasted for several years, revealed abuses by the local administration, financial misappropriations, and confusing and ineffective sectors of administration. As a re-

ной администрации, финансовые хищения, запутанность и малоэффективность отраслей управления. В результате генерал-губернатор Восточной Сибири В. Я. Руперт был смещен со своего поста, а на его место в 1848 г. назначен Н. Н. Муравьев [5, с. 94].

В любом случае нельзя не признать, что ревизоры проделали огромную и трудную работу, свидетельством чему могут служить не только официальные документы, например, по Якутской области [6], но и «отчет» неофициальный (речь идет, конечно же, о книге И. Д. Булычева), написанный в форме путешествия, опубликованный и предназначенный для самой широкой публики. Произведение И. Д. Булычева — ценнейший источник информации о ревизии, особенно в ракурсе важного обстоятельства, отмеченного Н. П. Матхановой: «К сожалению, материалы ревизии Толстого сохранились плохо. Их нет в “Делах сенаторских ревизий”. В фондах Министерства юстиции, Комитета министров и других органов управления имеются лишь немногочисленные разрозненные документы» [4, с. 57].

Важным был и другой результат ревизии. Сенаторская ревизия И. Н. Толстого, по его же собственному признанию, стала настоящей школой для молодежи, в том числе служившей несколько лет в столичных министерствах и плохо знавшей внутреннее управление. По мнению Толстого, после понесенных с 1842 по 1846 гг. трудов молодые чиновники были подготовлены к любой административной деятельности, ко всем родам службы [4, с. 61]. Наряду с другими участниками ревизии речь здесь идет, конечно же, и об Иване Демьяновиче Булычеве.

Петербургский чиновник И. Д. Булычев (1813—1877) был включен в состав ревизии в 1842 г. К этому времени за плечами двадцатидевятилетнего Булычева было уже 11 лет службы. Участие в сенаторских ревизиях, выездных проверках привлекало молодых чиновников, «было видным назначением и хорошей школой», поэтому цвет чиновной молодежи всегда стремился получить подобное назначение. В свою очередь, руководство подбирало из числа претендентов компетентных и добросовестных молодых людей. Всего при И. Н. Толстом состояла группа из 20 человек, что «равнялось штату канцелярии Главного управления Восточной Сибири» [5, с. 88–89]. После окончания ревизии административная карьера И. Д. Булычева сложилась очень удачно: в 1852 г. он получил чин статского советника, служил по Министерству юстиции, с 1865 г. — тайный советник, камергер. Поездка в Сибирь оказалась судьбоносной для Ивана Демьяновича и в личном плане — в Иркутске он вступил в брак с Надеждой Александровной Малеевой, племянницей иркутского купца-золотопромышленника Е. А. Кузнецова, наследницей большого состояния.

Масштабное предприятие И. Н. Толстого стартовало в конце 1842 г. Выехав по зимнему пути из Петербурга, ревизоры сначала проверили Енисейскую губернию, а на исходе января 1844 г. прибыли в Иркутск. Именно Иркутск,

result, the Governor-General of Eastern Siberia, V. Ya. Rupert, was dismissed and N. N. Muravyov was appointed to this position in 1848 [5, p. 94].

In any case, it must be acknowledged that the auditors carried out an enormous and arduous job — as confirmed not only by official documents, for example revision results in the Yakutsk Oblast [6], but also by an unofficial “report” (referring, of course, to the book by Ivan Bulychev) written in the form of a journey, published, and intended for the general public. Bulychev’s work is an important source of information on the revision, especially given the circumstance noted by N. P. Matkhanova: “Unfortunately, the materials of Tolstoy’s revision were poorly preserved. They are not in the Files of Senatorial Revisions. The Ministry of Justice, Committee of Ministers, and other administrative bodies hold only a few scattered documents” [4, p. 57].

Another result of the revision was that Tolstoy’s senatorial revision, by his own admission, had become a solid background for the young men who had served for some years in the ministries in St. Petersburg and had little knowledge of internal administration. According to Tolstoy, having suffered the hardships from 1842 to 1846, the young officials were prepared for any administrative activity, for all types of service [4, p. 61]. We are of course talking about Ivan Demyanovich Bulychev along with the others involved in the revision.

The Petersburg civil officer I. D. Bulychev (1813—1877) joined the revision in 1842. By that time, the 29-year-old man already had eleven years of service under his belt. Participation in senatorial revisions and field inspections attracted young officers, as it “was an enviable position and a good school”, so the elite of young officials always aspired to such jobs. The administration, in turn, selected competent and conscientious young officers from among the applicants. In all, I. N. Tolstoy headed a group of twenty men — as many as the staff of the Chancellery of the Chief Administration of Eastern Siberia [5, p. 88–89]. Ivan Bulychev had a very successful administrative career after the revision: in 1852 he was awarded the rank of State Counsellor, served in the Ministry of Justice, and in 1865 was appointed Privy Counsellor, chamberlain. The trip to Siberia proved fateful for Ivan Demyanovich on a personal level, too: in Irkutsk he married Nadezhda Alexandrovna Maleyeva, the niece of the Irkutsk gold merchant E. A. Kuznetsov, heiress of a large fortune.

Tolstoy’s large-scale venture began at the end of 1842. Leaving St. Petersburg by the winter route, the auditors first inspected the Yenisei Governorate and arrived in Irkutsk at the end of January 1844. It was Irkutsk that they set out from according to I. D. Bulychev’s *A Journey through Eastern Siberia* on 11 May 1844. I. N. Tolstoy personally inspected Kyakhta, Yakutsk, and Nerchinsk. Bulychev was still with him in Yakutsk, but then was sent to Kamchatka and the Okhotsk region together with Duke L. F. Lvov. In his correspondence, Tolstoy described the trip of his subordinates as “an unparalleled and dangerous assignment” (cit. ex: [5, p. 89]).

выезд из которого состоялся примерно 11 мая 1844 г., стал исходным пунктом в «Путешествии по Восточной Сибири» И. Д. Булычева. И. Н. Толстой лично проверял Кяхту, Якутск, Нерчинск. В Якутске Булычев находился еще при нем, а далее вместе с князем Л. Ф. Львовым был отправлен отдельно на Камчатку и в Охотский край. В своей переписке И. Н. Толстой характеризовал эту поездку своих подчиненных как «беспримерное и опасное поручение» (цит. по: [5, с. 89]).

Сам И. Д. Булычев оставил красочное описание начала своего путешествия, на первых порах складывавшегося почти идиллически:

Итак, по прибытии в Охотск я испытал большую часть трудов странствия по неизмеримым пространствам Восточной Сибири: от Иркутска до Качугиной станции я проехал на почтовых лошадях в экипаже точно так же, как ездят в Европейской России. От Качуги до Якутска я спустился в обширном и просторном павозке. Плавание совершается весьма удобно. Время проходит в наблюдениях красивых берегов реки, образа жизни и промышленности жителей береговых селений; величественная природа на каждом шагу поражает взоры картинами, которых житель Европы представить себе не может. Наконец, появление тунгусов и якутов обращает внимание исключительно на образ жизни, нравы, наружность и промыслы сих народов [1, с. 108].

Но так было, конечно же, не везде и не всегда. На дальнейшем пути ревизоров поджидали невероятные трудности — холода и метели по зимнему пути, ночевки на открытом воздухе в любое время года, преодоление огромных расстояний на лошадях, оленях, собаках при отсутствии человеческого жилья, встречи с опасными хищниками:

Для следования по Гижигинскому краю надобно непременно запастись всем нужным на все время пути и отправить запасы эти с палаткой на вьючных лошадях вперед; ибо одно селение от другого находится в таком расстоянии, что приходится ехать на одних лошадях несколько дней. Зимой езда на собаках равно почти затруднительна. При глубоком снеге прокладывает дорогу человек, идущий впереди их на лыжах, по следу которого бегут собаки. Не говоря о медленности такого следования, невозможно вообразить себе всех бедствий путешественника, едущего на одних собаках несколько сот верст по непроложенной снежной степи в мороз, часто превосходящий 40°. Как описать мучения его во время вьюги, продолжающейся иногда несколько дней сряду, в снежной, беспредельной, безлесной пустыне? Для спасения от подобных бедствий на каждых сорока или пятидесяти верстах построена юрта для убежища или ночлега путешественников. Юрта эта есть бревенчатый сруб, непрочно сделанный, в котором поставлен камин (чувал). Но часто случается, что путешественникам не удастся добраться до такого пристанища до ночи; тогда они прорывают снег до земли в виде логовища, раскладывают огонь при самом входе его, и, таким обра-

I. D. Bulychev himself left a colourful description of the start of his journey, which at first was almost idyllic:

So, by the time of my arrival in Okhotsk, I had experienced most of the hardships travelling across the immeasurable spaces of Eastern Siberia: I went in a carriage with postal horses, just as one travels in European Russia, from Irkutsk to Kachuga station; I went downstream by a broad and spacious *pavozok* boat from Kachuga to Yakutsk. The voyage was very comfortable. I spent time observing the beautiful riverbanks, lifestyles, and trades in the coastal inhabitants. The majestic nature at every step amazes the eyes with pictures that are unimaginable for a resident of Europe. Finally, the appearance of the Tungus and Yakuts drew attention solely to the lifestyle, manners, appearance, and trades of these peoples [1, p. 108].

But of course this was not always the case. The next stages of their journey were fraught with formidable challenges — frosts and blizzards on the winter road, overnight stays outdoors in all seasons, travelling long distances on horse, reindeer, and dog sledges across uninhabited expanses, and dangerous encounters with predators:

In order to travel in the Gizhiga area, one must stock up on everything that is necessary for the journey and send the supplies together with the tent ahead on pack-horses, for each village is so remote from the others that one has to travel on horse sledges for several days. In winter it is equally difficult to travel by dog sledges. When the snow is deep, a man has to walk ahead on skis beating a trail for the dogs to follow. Not to mention the slowness of such a journey, it is impossible to imagine all the miseries of a traveller, who has to go several hundred versts by his dog sledges alone across the snowy steppe, with frosts often exceeding 40° [C]. How to describe his torments during blizzards that sometimes last several days in a row in the snowy, boundless, treeless wilderness? To escape such calamities, a yurt is built every forty or fifty versts as a shelter or night's lodge for travellers. The yurt is a ruggedly built log cabin with a fireplace (*chupal*). It often happens, however, that travellers will not manage to reach such a shelter before nightfall. Then they dig a hole in the snow to the ground, build a fire at its very entrance, and thus spend the night in a snow pit in extreme cold; they also have to change their clothes and even underwear, because the body fumes will make them wet and they will freeze, but what clothes and furs can protect one from the Siberian frost? Besides these and many other disasters, such as damage to the sledge (*narty*), loss of the trail or the direction in which the travellers should go, they should always be aware of the danger of encountering wolves or bears. In summer they will make fires and shoot guns at night, which is impossible in winter, especially during blizzards [1, p. 77–78].

зом, в снежной яме при невероятных холодах должны проводить ночь и переменять не только часть платья, но даже и белье; ибо от испарений тела оно сыреет и должно наконец замерзнуть, а какое платье и какие меха могут защитить от сибирских морозов? Кроме этих и многих других бедствий, как, напр[имер], повреждения саней (нарты), потери следа и направления, по которому ехать должно, проезжим угрожает непрестанно опасность от встречи медведей или волков. Летом на ночь разводят огни и стреляют из ружей, что зимой, особенно во время вьюги, бывает невозможно [1, с. 77–78].

Есть еще одно важное обстоятельство, которое вносит в историю И. Д. Булычева и его книги интригующий момент. Рядом с ревизорами вплоть до возвращения в Иркутск 17 июля 1845 г. всегда находился человек, участие которого в поездке не было принято афишировать, — политический ссыльный, художник Леопольд Немировский. Иллюстративная часть «Путешествия по Восточной Сибири» привлекает неизменное внимание искусствоведов — сегодня уже доказано, что именно Немировский является автором практически всех иллюстраций, опубликованных во второй части (литографированном альбоме) «Путешествия» И. Д. Булычева [7]. Вот что пишет Е. А. Добрынина: «По мнению исследователей творчества Немировского, два изображения были сделаны не по его рисункам, поскольку стилистически не вписываются в галерею видов и этнографических зарисовок. Речь идет о литографии с изображением памятника Ермаку в Тобольске, помещенной на обложке альбома, и хромолитографии “Ермак, покоритель Сибири”, которая повторяет гравированные портреты Ермака, встречающиеся в изданиях того времени» [8, с. 17].

Леопольд Немировский тоже оставил подробное описание начала столь поразительного для себя путешествия, в частности, спуска в павозке — крытом судне для сплава по Лене, выразил свои впечатления о доселе невиданном, неизведанном и величественном крае. Кстати, существует мнение, что литография Л. Немировского «Внутренность павозка на р. Лене» изображает «самого Булычева, ведущего записки за единственным столом в помещении» [8, с. 18]. Но для нас важно и другое — в письмах художника из поездки отразились воспоминания о его попутчиках; из этих отзывов мы можем составить впечатление о нравственном облике И. Д. Булычева и других молодых чиновников-ревизоров, радушно принявших в свое общество ссыльного как равного среди равных. В посланиях к другу Ю. Сабиньскому от 1844 г. из Качуги (14 мая), Якутска (30 мая), со станции Юдомский крест (3 июля), из Охотска (5 августа) и от 1845 г. из Якутска (18 мая) Л. Немировский сообщал:

Я еще ничего не упомянул о самом важном. Напрасными были мои опасения. Оказался я в обществе милейших людей. Посредничать между нами постоянно будут хорошее воспитание и образование. До сей поры я вполне счастлив и позитивно

Портрет Леопольда Немировского (работы Николая Бестужева), 1843

Portrait of Leopold Niemirowski (artist Nikolai Bestuzhev), 1843

There is another important circumstance which adds an intriguing moment to the story of I. D. Bulychev and his book. The man, whose participation in the trip was not usually advertised, the political exile artist Leopold Niemirowski, made the whole journey with the auditors until their return to Irkutsk on 17 July 1845. The illustrative part of *A Journey through Eastern Siberia* has always attracted the attention of art historians: it has already been proved that he was the author of almost all the illustrations published in the second part (lithographed album) of the *Journey* by I. D. Bulychev [7]. E. A. Dobrynina wrote: “In the opinion of researchers of Niemirowski’s work, two lithographs were not made using his drawings, because they stylistically do not fit in the gallery of views and ethnographic sketches. I am referring to the lithograph depicting the monument to Yermak in Tobolsk on the album cover, and to the chromolithograph “Yermak, Conqueror of Siberia”, which repeats the engraved portraits of Yermak that appear in publications of that time” [8, p. 17].

смотрю в будущее. Принужденность в отношениях исчезла. Словом, я обрел больше, чем смел надеяться. <...>

Скажу тебе только, что я очень доволен сообществом моих коллег, с которыми кто-либо иной, более чем я подходящий для общества, мог бы провести время самым приятным образом. <...>

Что до моих товарищей по путешествию, много могу сказать в их похвалу. Мы все больше сближаемся между собой, насколько это может быть. В обхождении их всегда располагающая к себе вежливость и любезность. Словом, с этой стороны мне ничего не остается желать. <...>

Своими партнерами по общезнанию я вполне доволен. По правде говоря, трудно найти более вежливых, деликатных и понимающих людей. Мы самым прекрасным образом уживаемся между собой. Не лишены мы и житейских удобств. <...>

...Я храню благодарность ко всем за гостеприимство и доброжелательное обхождение со мной, равно как и к товарищам моего путешествия, которых имею право оценивать наилучшим образом [9, с. 133–134, 136, 139, 144].

Собственно, так, благодаря сенаторской ревизии в Сибири, чтобы совершить небывалое путешествие, соединились люди совершенно разных судеб. Ссылный Л. Немировский, изначально принимая для себя как великую милость возможность свободного путешествия, был готов к любому отношению окружающих, и как же его приятно радовало неизменно искреннее благорасположение товарищей по экспедиции и лично И. Д. Булычева! Он, возможно, впервые за много лет почувствовал свободу и полное равноправие в обществе других людей. Эта поездка стала для Немировского возможностью не только профессиональной реализации как художника, но и социальной реабилитации, пусть пока только *de facto*.

Леопольд Немировский (1810–1883) происходил из дворян Волынской губернии, после окончания школы в Луцке изучал юриспруденцию, литературу, математику в Виленском университете, одновременно серьезно занимаясь рисованием. Участвовал в польском Ноябрьском восстании 1830–1831 гг. Во второй половине 1830-х гг. вступил в организацию «Содружество польского народа», был арестован и в 1838 г. приговорен к 20 годам каторги и ссылке в Сибирь. В октябре 1839 г. пришел в Иркутск по этапу и сначала находился на Тельминской казенной суконной фабрике, где директором был надворный советник П. Д. Херасков. Судя по всему, жизнь Немировского и других политических ссыльных в с. Тельминском была вполне сносной, поскольку он сам «очень» хвалил «честность и человеческое отношение» Хераскова [10, с. 422]. В январе 1840 г. Л. Немировский был переведен в с. Усольское на Иркутский солеваренный завод, где условия были не хуже, а «местные жители любого класса» неизменно проявляли к ссыльным полякам «доброжелательность», «уважение и почтение» [10, с. 424]. В Усолье художнику первоначально «поруч-

Leopold Niemirowski described the beginning of the amazing journey in detail, in particular descending the Lena River in a pavozok — a covered boat; and put down his impressions of the yet unseen, unexplored, and majestic land. Interestingly, there is an opinion that L. Niemirowski's lithograph "Inside a pavozok cargo boat on the Lena" depicts Bulychev himself taking notes at the only desk in the room [8, p. 18]. But something else is also important to us: the artist's letters from the trip reflect his memories of his fellow travellers; from these responses we can get an insight into the moral character of I. D. Bulychev and the other young auditors, who welcomed the exile into their society as an equal. In the letters to his friend J. Sabiniski, sent in 1844 from Kachuga (14 May), Yakutsk (30 May), the Yudomsky Cross station (3 July), Okhotsk (5 August) and Yakutsk (18 May 1845) L. Niemirowski wrote:

I have not yet mentioned the most important thing. My fears were not justified. I found myself in the company of the nicest people. Good upbringing and education will always mediate between us. Until now I am quite happy and have a positive outlook on the future. The awkwardness in communication has disappeared. In short, I have gained more than I dared to hope for. <...>

Let me just tell you that I am very happy with the company of my colleagues, with whom anyone other than me, more suited to society, could have a most enjoyable time. <...>

As for my fellow travellers, there is much I can say in their praise. We are becoming as close to each other as we can be. There is always a disposing politeness and courtesy in their treatment. In short, there is nothing left for me to wish for on this side. <...>

I am quite happy with my co-existence partners. To be honest, it's hard to find more polite, sensitive and understanding people. We get on very well together. We don't lack the comforts of home either. <...>

...I am grateful to everyone for their hospitality and kind treatment of me, in particular to my fellow travellers, whom I have all the right to hold in the highest esteem [9, p. 133–134, 136, 139, 144].

Thus, thanks to the senatorial revision in Siberia, people of very different destinies came together to undertake an unprecedented journey. The exile L. Niemirowski, initially considering the possibility of free travel a great mercy, was prepared for any attitude from those around him, and how pleased he was with the invariably sincere favour of his expedition comrades, and personally I. D. Bulychev! Perhaps he felt free and equal in the company of others for the first time in many years. For Niemirowski, the trip was an opportunity for professional creative fulfilment as an artist, but also for social rehabilitation, if only *de facto* for the time being.

чили обязанность заведовать государственными конями и волами, следить за их кормлением, упряжью, хозяйственным инвентарем и т. д., при этом руководить несколькими людьми, которые этим занимаются». Это занятие было для него «чрезвычайно тягостным» из-за отсутствия опыта ведения хозяйства [10, с. 436]. В свободное время он постоянно делал зарисовки, писал портреты и постепенно снискал себе известность профессионального художника. В самом начале марта 1840 г. ссыльного освободили от хозяйственных работ и привлекли к снятию «государственных планов», также он начал заниматься педагогической деятельностью — обучать детей А. П. Мевиуса, управляющего Сибирскими солеваренными заводами [10, с. 572]. Так Немировский стал учителем рисования; вскоре слава о его способностях достигла столицы Восточной Сибири — с начала июня и до самого конца декабря 1840 г. он по неофициальному разрешению начальства семь месяцев прожил в Иркутске, выполняя множество заказов [10, с. 488]. 13 февраля 1841 г. в Усолье вновь пришло негласное распоряжение о немедленном переводе художника в Иркутск — на этом настояла жена генерал-губернатора В. Я. Руперта, которая хотела видеть Немировского учителем рисования у своих детей [10, с. 553]. Правда, в начале апреля ему пришлось снова на месяц вернуться в Усолье — из-за ареста декабриста М. С. Лунина всех политических ссыльных спешно отправили по местам поселения [10, с. 571]. Жизнь в Иркутске дала Л. Немировскому прекрасные возможности для активного творчества: он писал портреты и пейзажи — на заказ и для собственного удовольствия.

В 1841 и 1842 гг. срок его каторги был сокращен в два раза, а 25 ноября 1843 г. вышло помилование, и художник официально был отправлен на поселение в с. Акинино Жилкинской волости Иркутской губернии, хотя по большей части находился, конечно же, в Иркутске [11, с. 7-8]. Леопольд Немировский был близок со ссыльными декабристами; братья Поджио, Волконские, М. С. Лунин входили в ближайший круг его общения — он учил рисунку детей Волконских, в 1841 г. написал портреты М. Н. Волконской и Миши Волконского [10, с. 550-551], в 1843 г. побывал в гостях у Н. А. Бестужева в Селенгинске. Именно Бестужев создал замечательный портрет Немировского акварелью. Таким образом, мы видим, что творческая, художественная деятельность помогла Л. Немировскому адаптироваться в сибирской ссылке и даже выдвигаться на видные позиции в местном обществе.

Когда сенаторская ревизия И. Н. Толстого прибыла в Иркутск и намеревалась двигаться дальше, в ее штат потребовался опытный рисовальщик. Выбор, конечно же, пал на прекрасно себя зарекомендовавшего и известного в Иркутске художника — мастера пейзажа, панорамных съемок и портретиста. «Направленные на Камчатку чиновники предложили Немировскому сопровождать их для зарисовки тех далеких, малоизученных северных районов», — вспоминал позднее его друг, тоже политический ссыльный Ю. Ручинь-

Leopold Niemirowski (1810—1883) descended from a noble stem in Volhynian Governorate. After graduating from school in Lutsk, he studied law, literature, and mathematics at the University of Vilna, while also taking up drawing. He took part in the Polish November Uprising of 1830—1831. In the late 1830s he joined the organization Union of the Polish People, was arrested and in 1838 sentenced to 20 years of hard labour and exile to Siberia. In October 1839 he was convoyed to Irkutsk and then worked at the Telma wool manufactory that was managed by the court counselor P. D. Kheraskov. Apparently, the life of Niemirowski and other political exiles in the village of Telma was quite tolerable, as he himself “very much” praised Kheraskov’s “honesty and humane attitude” [10, p. 422]. In January 1840, L. Niemirowski was sent to the town of Usolye to work at the Irkutsk salt works, where conditions were no worse, and “locals of every class” invariably showed “goodwill” and “respect and esteem” towards the exiled Poles [10, p. 424]. In Usolye, the artist was initially “entrusted with the duty of managing the state’s horses and oxen; supervising their feeding, harness, farm implements, etc., and manage several people in charge of that”. This occupation was “extremely burdensome” for him because of his lack of farming experience [10, p. 436]. In his spare time, he sketched and painted portraits, and gradually rose to fame as a professional artist. In early March 1840 the exile was released from his economic work and was involved in drawing “governmental maps”. He also began teaching the children of A. P. Mevius, manager of the Siberian salt works [10, p. 572]. So Niemirowski became an art teacher; his fame soon spread to the Eastern Siberian capital, and he lived in Irkutsk by the informal permission of his superiors for seven months, from early June to the end of December 1840, fulfilling many commissions [10, p. 488]. On 13 February 1841, an unofficial order arrived in Usolye for the artist to be immediately transferred to Irkutsk. The wife of Governor-General V. Ja. Rupert was behind the order, as she wanted Niemirowski to teach her children drawing [10, p. 553]. In early April, however, he had to return to Usolye to stay there for a month: following the arrest of the Decembrist M. S. Lunin, all the political prisoners were hurriedly dispatched to the places of settlement [10, p. 571]. Life in Irkutsk gave L. Niemirowski excellent opportunities for active creativity. He painted portraits and, especially, landscapes — to order and for his own pleasure.

His hard labour term was halved in 1841 and 1842, and on 25 November 1843 a pardon was granted, so the artist was officially sent to settle in the village of Akinino, Zhilkino volost of Irkutsk Governorate, although, of course, he mostly stayed in Irkutsk [11, p. 7-8]. Leopold Niemirowski was close to the Decembrists in exile; the Poggio brothers, Volkonskys, and M. S. Lunin were among his closest associates; he taught drawing to Volkonskys children and painted portraits of M. N. Volkonskaya and Misha Volkonsky [10, p. 550-551] in 1841, and visited N. A. Bestuzhev in Selenginsk in 1843. It was Bestuzhev who

ский [12, с. 399]. Получив разрешение В. Я. Руперта, Леопольд Немировский с воодушевлением отправился в дорогу, столь интересную для взгляда и опыта художника, — Якутия, Камчатка, Охотское море... В официальных документах, сохранившихся в Государственном архиве Иркутской области, сказано, что художник едет в Якутск, Охотское и Камчатское приморские управления для «снятия видов, могущих встретиться в той поездке» (цит. по: [11, с. 8]). Сила характера Л. Немировского, его умение преодолевать трудности и выживать в сложнейших обстоятельствах делали его лучшим кандидатом на участие в трудной и даже опасной экспедиции на северо-восток генерал-губернаторства. Недаром И. С. Зильберштейн, характеризуя образ Немировского, запечатленный на портрете авторства Н. А. Бестужева, особо отметил «мужественное лицо молодого поляка» [13, с. 516]. Из других источников мы можем узнать о Немировском, что это был «способный, талантливый, достойный», «очень умный, хорошо воспитанный, образованный и неординарный молодой человек с большим художественным талантом», который «и чувствует хорошо, и мыслит основательно», имеет «доброе сердце, просвещенный ум, благородство» [12, с. 157, 432, 449].

Леопольд Немировский, как мы уже выяснили из его писем, прекрасно освоился среди ревизоров и стал незаменимым членом экспедиции. Известно, что в поездке он написал объемный «Дневник путешествия», который ныне, к сожалению, считается утерянным, а также выполнил огромное количество рисунков акварелью и карандашом — их тематика представлена в публикуемом альбоме: панорамные виды городов и населенных пунктов, его любимые пейзажи, этнографические сюжеты (типы аборигенов, одежда, предметы промыслов и быта), выдающиеся географические объекты и даже жанровые сцены. Как художник Немировский был чрезвычайно работоспособен и скор: например, за день работы он мог снять большую панораму — такой профессионал был настоящей находкой для экспедиции. О феноменальной усидчивости и целеустремленности, стиле работы художника оставил свидетельство декабрист Михаил Бестужев: Немировский мог работать, не сходя с места, целый день с утра и «до поздних сумерек», ровно до тех пор, пока не завершит «великолепного пейзажа» [14, с. 202, 315].

Касаясь щекотливого вопроса об издании иллюстративной части «Путешествия по Восточной Сибири» И. Д. Булычева без указания имени автора, М. А. Бестужев пишет прямо: «С разрешения генерал-губернатора польский художник сопровождал членов сенаторской ревизии на Лену, в Якутск, в Охотск, Камчатку и проч., снял множество видов этих местностей и продал их Булычеву» [14, с. 202].

Итак, мы видим ключевой момент в этой истории — рисунки были проданы, при этом условий продажи мы не знаем. Возможно, было заранее оговорено, что И. Д. Булычев может распоряжаться авторскими правами по своему

made the remarkable watercolour portrait of Niemirowski. Thus, we see that creative, artistic activities helped L. Niemirowski to adapt to the Siberian exile and even to advance to prominent positions in the local society.

When the senatorial revision of I. N. Tolstoy arrived in Irkutsk and intended to move on, they needed an experienced draughtsman to join the staff. The choice, of course, fell on the reputed and well-known artist in Irkutsk — a master of landscape, mapping, and portraiture. “The officials sent on a mission to Kamchatka invited Niemirowski to accompany them with an assignment to sketch the distant, little-explored northern regions”, recalled later his friend, another political exile, Yu. Ruciński [12, p. 399]. Having received Rupert’s permission, Leopold Niemirowski enthusiastically set off on a journey that was so interesting to the artist’s eye and experience — Yakutia, Kamchatka, the Sea of Okhotsk... Official documents preserved in the State Archives of the Irkutsk Oblast say that the artist went to Yakutsk, and the Kamchatka and Okhotsk maritime administrations to “sketch the views that they may see on the journey” (cit. ex: [11, p. 8]). L. Niemirowski’s strength of character, his ability to overcome hardships and survive in the most difficult circumstances made him the best candidate to take part in the difficult and even dangerous expedition to the north-east of the Governorate-General. It was not without reason that the art critic I. S. Zilberstein, describing the portrait of Niemirowski by N. A. Bestuzhev, noted especially “the courageous face of the young Pole” [13, p. 516]. From other sources, we can learn that Niemirowski was “capable, talented, dignified”, and “a very intelligent, well-bred, educated, and unorthodox young man of great artistic talent”, who “both feels and thinks well”, as well as having “a good heart, an enlightened mind, and generosity of spirit” [12, p. 157, 432, 449].

Leopold Niemirowski, as we have already learned from his letters, got on well with the auditors and became an indispensable member of the expedition. We know that he wrote a voluminous *Diary of the Journey* throughout the expedition, which is now sadly considered lost, and also produced a large number of watercolour and pencil drawings presented in this album: panoramic views of towns and villages, landscapes, which were his favourite, ethnographic subjects (indigenous types, clothing, crafts, and everyday objects), prominent geographical objects, and even genre scenes. As an artist, Niemirowski was extremely efficient and quick — for example, he could draw a large panorama in a day; such a professional was a godsend for the expedition. The Decembrist Mikhail Bestuzhev gave an account of his phenomenal assiduity and concentration, and his work style: Niemirowski could work all day long, from morning “to late at night”, until he had completed a “magnificent landscape” [14, p. 202, 315].

As for the delicate issue of publishing the illustrative part of *A Journey through Eastern Siberia* by I. D. Bulychev without naming the author, M. A. Bestuzhev wrote straightforwardly: “With the permission of the Governor-General, the Polish artist accompanied the members of the senatorial revi-

усмотрению, например, издать собрание иллюстраций без указания имени художника. Е. А. Добрынина отмечает, что, когда «в апреле 1846 г. правительственная ревизия покинула Иркутск», «И. Д. Булычев увез в Россию приобретенный у Л. Немировского» изобразительный материал экспедиции [8, с. 19]. Но это было далеко не все, множество иллюстраций осталось в собственности художника. Ю. Ручиньский вспоминал, что Немировский вернулся «из этой поездки с накопленным значительным запасом рисунков, сделанных с натуры»: «Я видел у него великолепный альбом с изображением различных эпизодов этой экспедиции, когда навещал Леопольда в Ковельском уезде, в Турийске» [12, с. 399].

Обратим внимание на важный момент: вторая часть «Путешествия по Восточной Сибири» увидела свет в 1856 г., а Леопольд Немировский был амнистирован годом позже. Само собой, что до помилования не могло быть и речи о публикации работ под именем автора, отбывающего наказание за политические преступления. Вероятно, элемент упрека из-за выхода в свет работ Л. Немировского в 1856 г. без указания его авторства проник в отечественную литературу из польской историографии конца 1920-х гг., в частности, из фундаментальной работы Михала Яника о поляках в Сибири: «На основании рисунков, сделанных Немировским для комиссии, член этой комиссии Иван Булычев обработал и издал в 1856 г. прекрасные пейзажи Восточной Сибири, которые “понравились при дворе”, но он ни словом не упомянул о первоисточнике» [13, с. 517]. Автор не задается вопросом: а возможно ли вообще было «упомянуть»? Но особо, ради справедливости, отметим, что даже М. Яник не говорит о присвоении авторства рисунков, а только лишь о публикации без указания автора. Современные авторы почему-то пошли дальше, и упрек Яника превратился в обвинение Булычева в плагиате, желании прославиться, используя чужие иллюстрации и подписав их своим именем.

Однако давайте разберемся в ситуации. Имя Леопольда Немировского как художника было слишком хорошо известно в 1856 г. уже не только в Сибири, но и за ее пределами. Какой смысл был И. Д. Булычеву, уважаемому, высокопоставленному петербургскому чиновнику, прожившему в Сибири несколько лет, имевшему там множество друзей и знакомых, связанному с видными представителями сибирского общества близкими родственными узами, заниматься подобным совершенно нелепым плагиатом и ставить свое имя под литографиями признанного художника?

Безусловно, обстоятельства были совсем иными. Вторая часть альбома не могла выйти из печати при полном неведении Л. Немировского. Вполне возможно, что сам художник, желая, чтобы его рисунки увидели свет, разрешил Булычеву издать альбом именно в таком виде (иначе было и невозможно). Интригует и свидетельство Ю. Ручиньского о трагической судьбе наследия художника, в том числе и оригинального альбома, привезенного из экспеди-

ции к Лене, Якутск, Охотск, Камчатка, *etc.*, drew many views of these parts, and sold them to Bulychev” [14, p. 202].

So we see the bottom line in this story: the drawings were sold, but we do not know the terms of the sale. Perhaps it was agreed in advance that I. D. Bulychev could dispose of the copyright at his own discretion, for example, to publish the illustrations without attribution. E. A. Dobrynina notes that when “the government revision left Irkutsk in April 1846”, “I. D. Bulychev took graphic material acquired from L. Niemirowski back to Russia” [8, p. 19]. But this was not all; many illustrations remained in the artist’s possession. Yu. Ruciński recalled that Niemirowski returned “from this trip with a considerable stock of drawings made from nature”: “I saw in his possession a magnificent album depicting various episodes of this expedition when I visited Leopold in Turiisk of the Kovel’sky uyezd” [12, p. 399].

It is important to note that the second part of the *A Journey through Eastern Siberia* was published in 1856, while Leopold Niemirowski was pardoned a year later. It goes without saying that prior to the pardon, publication of a book with the name of an author serving a sentence for political crimes was out of the question. The reproach element due to the publication of L. Niemirowski’s works in 1856 without the author’s name was likely to have been introduced into our own literature from the Polish historiography of the late 1920s, namely from Michal Janik’s fundamental work about the Poles in Siberia: “Based on drawings made by Niemirowski for the commission, a member of the commission Ivan Bulychev arranged and published in 1856 wonderful landscapes of Eastern Siberia that ‘pleased the court’, but he did not mention the primary source” [13, p. 517]. The author does not question whether it was even possible to “mention the source”. However, to be fair, we should note that even M. Janik does not speak of attribution of the drawings, but only of the publication without mentioning the author. Contemporary authors, for some reason, went further and accused Bulychev of plagiarism, a desire to become famous by using someone else’s illustrations and signing them with his name.

However, let us get to the bottom of the situation. Leopold Niemirowski was already all too well known as an artist in 1856, not only in Siberia, but also beyond its borders. Why would I. D. Bulychev, a respected St. Petersburg high-ranking official who had lived in Siberia for several years, had many friends and acquaintances there, and was connected by close family ties to prominent representatives of Siberian society, engage in such completely absurd plagiarism and put his name under lithographs of a recognized artist?

Of course, that was not the case. The second part of the album could not have gone out for print without the knowledge of L. Niemirowski. It is quite possible that the artist himself, wanting his drawings to see the light, allowed Bulychev publication of the album in exactly this form as the only one possible. Another

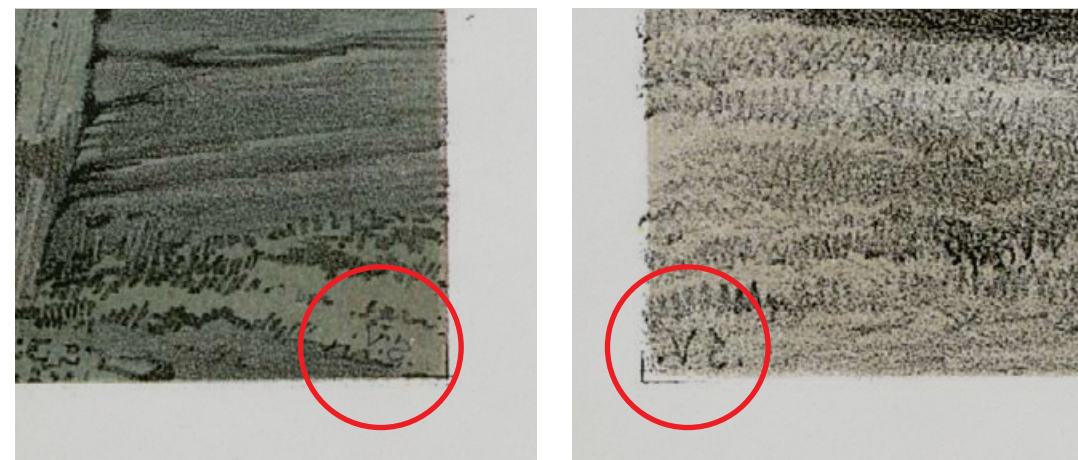
ции: «В позапрошлом году (1876 г. — Е. Т.) внезапный пожар, от которого он (Л. Немировский. — Е. Т.) едва спасся живым, уничтожил все имущество и все работы Леопольда. Сгорел и этот прекрасный альбом. Этот новый удар перенес он преспокойно» [12, с. 399]. Конечно, Леопольд Немировский обладал очень сильным характером, но для деятеля искусства, потерявшего в огне пожара все свои работы, это была страшная трагедия. Не означало ли спокойствие Немировского, что его несколько утешило то, что его драгоценное наследие не погибло полностью, — знаменитый сибирский альбом был давно опубликован, а множество работ осталось в частных коллекциях, в том числе сибирских? В этом случае нельзя не признать, что сохранением для искусства и потомков произведений Л. Немировского мы обязаны И. Д. Булычеву, выпустившему в свет этот альбом.

Кажется, что давно пора снять любые обвинения с И. Д. Булычева в приписывании себе авторства рисунков. И, что очень важно, как заметила Е. А. Добрынина, на некоторых литографиях сохранена монограмма Л. Немировского [8, с. 19], — на наш взгляд, это лучшее доказательство того, что в момент выхода альбома Булычев в такой иносказательной форме зашифровал имя художника, а не скрывал его и тем более не собирался присваивать его работы (см. стр. 95, 97, 99, 109, 111). Современники прекрасно знали, кем созданы рисунки, кто является настоящим автором живописной части альбома. Думаем, художник и сам удовлетворился просто самим фактом выхода в свет своих работ, пусть и анонимно, — для него это был прекрасный шанс позиционировать себя в мире искусства, прорваться в художественно-творческую жизнь России из ссылки, с периферии. Конечно, со временем, спустя десятилетия, эта история забылась, авторство литографий, не разобравшись в ситуации, стали автоматически приписывать Булычеву, а потом, снова не разобравшись в сложных хитросплетениях, его незаслуженно обвинили в плагиате.

Дальнейшая судьба Леопольда Немировского сложилась благополучно. После возвращения из сенаторской ревизии в 1846 г. с разрешения начальства он совершил творческую поездку в Забайкальский край, а два года спустя художник сопровождал доктора медицины Ю. И. Штубендорфа в его научных экспедициях по Восточной Сибири. В 1851 г. Леопольд Немировский был переведен в Тамбов, а в 1857 г. по амнистии вернулся на родину, на Волынь, где поселился в г. Турийске. Его главным занятием стало творчество, важными событиями в биографии художника явились персональные выставки (Париж, 1867; Краков, 1873; Варшава, 1870, 1883).

Дата выхода в свет «Путешествия по Восточной Сибири» не выглядит случайной. В середине 1850-х гг. шли активный сбор и систематизация мате-

В углу некоторых гравюр можно различить монограмму Немировского

Nemirowski's monogram is in the corner of some of the engravings

intriguing fact is a testimony of Yu. Ruciński about the tragic fate of the artist's heritage, including the original album brought from the expedition: “Two years ago (in 1876 — Е. Т.) a sudden fire that he (L. Niemirowski — Е. Т.) barely escaped from destroyed all of his belongings and works. This beautiful album also burnt down. He bore up this new misfortune stoutly” [12, p. 399]. Of course, Leopold Niemirowski had a very strong character, but it is a terrible tragedy for an artist to lose all his works in a fire. Did his composure mean that he was somewhat consoled by the fact that his precious legacy did not perish completely, as the famous Siberian Album was published long ago and many works remained in private collections, including those in Siberia? In this case, we must recognize that we owe the preservation of L. Niemirowski's works for art and posterity to I. D. Bulychev who published this album.

It seems the time is ripe to drop all accusations of ascribing authorship to the drawings against I. D. Bulychev. And, very importantly, as was noticed by E. A. Dobrynina, some of the lithographs bear the monogram of L. Niemirowski [8, p. 19] (see pages 95, 97, 99, 109, 111). In our opinion, this is the best proof that, at the time the album was published, Bulychev coded the artist's name in such an allegorical form, and certainly did not intend to conceal or let alone appropriate it. Contemporaries knew perfectly well who created the drawings and who the real author of the pictorial part of the album was. The artist himself ought to have been satisfied with the mere fact of the publication of his works, albeit anonymously, as this was a fine chance for him to present himself in the art world, to break through into the artistic and creative life of Russia from exile. Of course,

риалов об этой отдаленной части страны, популяризация сведений о восточных регионах — чтобы северный край, активное освоение которого в середине XIX в. составляло важную государственную задачу, стал близок и известен всем жителям империи. Расширение имперского пространства России, возрастающая роль в этом процессе Восточной Сибири, необходимость ее позиционирования, новые географические открытия и уточнение старых географических знаний, аккумуляция самых разносторонних сведений о восточных пределах России — все это стало очень актуальным в середине XIX в., в том числе и для реализации внешнеполитического курса генерал-губернатора Н. Н. Муравьева. Известно, что он уделял пристальное внимание сбору подробных сведений о Восточной Сибири, включающих самую разнообразную информацию по географии, истории, этнографии, народонаселению, статистике региона и др. Его канцелярия располагала как новейшими, так и историческими сочинениями о Сибири — книги и рукописи доставлялись всевозможными путями из Европейской России, буквально всеми силами изыскивались на местах (в частности, этим активно занимался В. И. Якушкин, чиновник особых поручений при Н. Н. Муравьеве), представители администрации практически массово отправлялись в командировки для описания округов и уездов [15, с. 16–17].

Естественно, узнав о такой тенденции, И. Д. Булычев поспешил обнародовать свое сочинение спустя 10 лет после возвращения из Сибири, благо располагал для этого материальными возможностями. Для нас очевидно, что автором двигали стремление к общественной пользе, служебный долг, а отнюдь не амбиции, желание научного признания, как принято считать в современных исследованиях. В период выхода книги Булычев служил в Министерстве юстиции и прекрасно понимал, что взялся за дело государственной важности — опубликовать для широкого читателя свое «Путешествие», изобилующее фактами и наблюдениями, ценными сведениями, а заодно с ним и иллюстрации, что сразу же усиливало и поднимало на новый уровень значение информативной составляющей сочинения. Собранные Булычевым данные, по преимуществу совершенно новые для своего времени, имели большое значение в ракурсе дальнейшего освоения Восточной Сибири, закрепления России на восточном фронтире.

Не будем забывать и о том, что И. Д. Булычев, являясь членом Императорского Русского географического общества, которое еще с 1849 г. видело свою важнейшую задачу в изучении «Азиатской России, север которой на карте, по существу, представлял собой белое пятно» [16, с. 62], считал своим долгом способствовать его деятельности, опубликовав воистину бесценные и уникальные материалы по изучению Восточной Сибири. В начале 1850-х гг. полным ходом шла подготовка к Сибирской экспедиции (состоялась в 1855–1859 гг.), опорной областью исследования которой долж-

the intricate story behind the album was forgotten over time, and decades later, Bulychev was automatically regarded as the author of the lithographs, but then again, not having understood the intricacies of the matter, they unfairly accused him of plagiarism.

Leopold Niemirowski's later life turned out well. After his return from the senatorial revision in 1846, with the permission of the authorities, he made a creative trip to the Transbaikalia, and two years later, as an artist, he accompanied the official and doctor of medicine Yu. I. Stubendorf on his scientific expeditions in Eastern Siberia. In 1851 Leopold Niemirowski was transferred to Tambov, and after an amnesty in 1857, he returned to Volhynia, where he settled in Turiisk. His creative work became his main occupation, and his personal exhibitions (Paris, 1867; Krakow, 1873; Warsaw, 1870, 1883) were important events in his biography.

The publication of the *A Journey through Eastern Siberia* does not look accidental for the time. In the mid-1850s they actively collected and systematized information about this remote part of the country; the northeastern regions, active development of which was a matter of national importance in the mid-19th century, were popularized in order to make them close and known to all inhabitants of the empire. The expansion of Russia's imperial space, an increasing role of Eastern Siberia in this process and the need to define it, new geographical discoveries and verification of old geographical knowledge, the accumulation of a wide range of data about the eastern limits of Russia — all this became very relevant in the mid-19th century, in particular for the implementation of the foreign policy of Governor-General N. N. Muravyov. It is known that he paid close attention to the collection of detailed information about Eastern Siberia, including a wide variety of data on geography, history, ethnography, population, statistics of the region, etc. His office had both the latest and historical works on Siberia: books and manuscripts were delivered by all possible means from European Russia, and literally every effort was made to find them locally (in particular, V. I. Yakushkin, a special duty official under N. N. Muravyov, was actively involved in data collection). Representatives of the administration were massively sent on trips to survey the districts and counties [15, p. 16–17].

Naturally, having learned about this trend, I. D. Bulychev made his work public ten years after his return from Siberia, especially as he had the material means to do so. It is clear to us that the author was guided by a desire for public benefit and official duty, and not at all by ambition or a desire for scientific recognition, as modern research tends to suggest. At the time the book was published, Bulychev served in the Ministry of Justice and was well aware that publication of his *Journey* for the general public was a matter of national importance, as it was

ны были стать крайний северо-восток Сибири, Камчатка и устье Лены. При подготовке экспедиции свои замечания и предложения высказывали и присылали не только ученые (например, геолог Н. Г. Меглицкий и естествоиспытатель А. Ф. Миддендорф), но и представители высшей администрации (генерал-губернатор Восточной Сибири Н. Н. Муравьев), деятели Русской православной церкви (протоиерей о. Прокопий Громов) — словом, все те, кто хорошо и не понаслышке знал этот край, располагал о нем сведениями, имел опыт его изучения [16, с. 65]. И. Д. Булычев, обладая ценнейшим архивом и багажом знаний, конечно же, не мог остаться в стороне. «Путешествие по Восточной Сибири» И. Д. Булычева вполне возможно рассматривать как разносторонний вспомогательный материал для Сибирской экспедиции, а его ревизия, безусловно, подготовила достаточно серьезную почву для будущих уже чисто научных исследований и изыскательских маршрутов.

Важно подчеркнуть, что Булычев не был одинок в своем стремлении оказать всю возможную помощь в государственном деле изучения и освоения Сибири, олицетворяя общее направление в чиновной среде, — те, кто располагал подобными данными, собранными в поездках по Сибири, стремились их обнародовать, особенно если имелся иллюстративный материал к текстам. Так, в 1845 году практически в тех же местах (в том числе на участке между Якутском и Иркутском) проходила экспедиция Миддендорфа, чье путешествие по Сибири, с одной стороны, показало, что Приамурье, которое не было разграничено с Китаем, никак соседями не осваивается (и это послужило, в итоге, присоединению его к России), а с другой, послужило идее создания РГО.

Приблизительно в это же время, когда увидела свет книга И. Д. Булычева, свой «Живописный альбом» по личной инициативе создал сибирский чиновник Г. С. Бильдзюкевич, зная, насколько такая работа востребована и полезна. Труд Бильдзюкевича, также посвященный Восточной Сибири, территориально, по мере продвижения России к берегам Тихого океана, охватывает другой, активно осваиваемый в середине 1850-х гг. регион — Забайкалье и Приамурье [17]. «Живописный альбом» был преподнесен в дар Н. Н. Муравьеву и предназначался для сведения генерал-губернатора, практических нужд его администрации, а позже и для публикации в виде отдельного издания, но этому плану не суждено было осуществиться. В отличие от И. Д. Булычева, у Г. С. Бильдзюкевича не было личных средств на издание своего произведения, поэтому в те дни оно так и осталось в виде рукописи. Главной целью и «Живописного альбома», и «Путешествия» Булычева, как и других описаний края того времени, было расширение знаний о Сибири, а также репрезентация восточных рубежей в составе Российской империи. Обращают на себя внимание и близость тематики двух сочинений, общие разделы, что не выглядит случайным: сведения о географии

реplete with facts and observations, valuable information, and illustrations, which immediately strengthened and raised the importance of informational value of the book to a new level. The data collected by Bulychev, for the most part absolutely new for the time, was of great importance from the perspective of further development of Eastern Siberia and a better establishment of Russia at its eastern frontier.

It should not be forgotten that I. D. Bulychev, as a member of the Imperial Russian Geographical Society that considered surveying “Asian Russia, the north of which was essentially a white spot on the map” [16, p. 62] its most important task since 1849, believed it was his duty to promote its activities by publishing invaluable and unique materials on Eastern Siberia. In the early 1850s, preparations for the Siberian Expedition to the far north-east of Siberia, Kamchatka, and the mouth of the Lena River (held in 1855—1859), were in full swing. During the preparation phase, comments and suggestions were made not only by scientists (*e.g.*, geologist N. G. Meglitsky and naturalist A. T. von Middendorff), but also by higher administration officials (Governor-General of Eastern Siberia N. N. Muravyov) and figures of the Russian Orthodox Church (Archpriest Prokopy Gromov) — in short, all those who knew this land well, possessed first-hand knowledge of the area, and had experience in surveying it [16, p. 65]. I. D. Bulychev, who had a most valuable archive and baggage of knowledge, could not but step in. Bulychev’s *A Journey through Eastern Siberia* can well be regarded as a versatile supporting material for the Siberian Expedition, and the senatorial revision certainly prepared serious grounds for future scientific research and prospecting routes.

It is important to stress that Bulychev was not alone in his desire to provide all possible assistance to the government in the study and development of Siberia. It was a general trend among officials: those who had such data collected on trips to Siberia sought to make it public, especially if they had illustrative materials. For example, Middendorff’s expedition of 1845 crossed Siberia mostly in the same area (between Yakutsk and Irkutsk to be precise). On the one hand, it showed that the Amur Region, which was not delimited by China, was not being developed by the neighbour in any way (which eventually justified its incorporation into Russia), and, on the other, gave rise to the idea of the Russian Geographical Society.

Approximately at the same time that Bulychev’s book was published, the Siberian official G. S. Bildzyukevich, knowing how much such work was in demand and useful, came forward with the initiative and compiled *The Pictorial Album*. His manuscript, also dedicated to Eastern Siberia territorially, covers another area closer to the shores of the Pacific Ocean that was actively developed in the mid-1850s — Transbaikalia and the Amur Region [17]. *The Pictorial Album* was presented to Governor-General N. N. Muravyov and was intended for his information, practical needs of his administration, and later for publication as a separate edition; however, this latter plan was not fated to materialize. Unlike I. D. Bulychev, G. S. Bildzyukevich had no personal funds to publish his work, so in those days it remained in a manu-

Экземпляр «Путешествия по Восточной Сибири» И. Булычева, хранящийся в Научной библиотеке Русского географического общества

A copy of *A Journey through Eastern Siberia*
by I. Bulychev from the Scientific Library of the Russian Geographical Society

и природных ресурсах края, богатый этнографический материал, статистика, описание городов и народонаселения, подробный исторический экскурс. Важно подчеркнуть, что авторами подобных сочинений являлись государственные служащие — чиновники, оказавшиеся на востоке России по долгу службы. И появление подобных иллюстрированных сочинений закономерно. Оно имело важнейшее значение как для внутренней, так и для внешней политики империи: было необходимо показать заинтересованность государства в развитии территорий, представить их неотъемлемой частью большой страны.

«Путешествие по Восточной Сибири» состоит из двух частей — текстовой и иллюстративной, каждая из которых призвана дополнять другую. Тем не менее нельзя не обратить внимание на некоторую содержательную несогласованность двухтомника, хотя первую часть и предваряет список иллюстраций, названный «Собранием рисунков к “Путешествию по Восточной Сибири” И. Булычева» [1, с. I–III]. По логике издания, каждой литографии необходимо было искать точное соответствие в тексте, но этот принцип не соблюдается. Когда было определено заявлено об ином авторстве иллюстративной части альбома, многие противоречия и вопросы были сняты. Исчезла, например, проблема «недосказанности» в тексте И. Д. Булычева — почему в его «Путешествии» не вошли многие изображенные сюжеты. Теперь ясно, что во время поездки ревизор и художник шли своими путями, у каждого были свое видение мира и свои задачи. Именно поэтому многие иллюстрации не нашли отражения в тексте.

Как бы то ни было, двухтомное «Путешествие по Восточной Сибири» — плод коллективного творчества писателя и рисовальщика, невозможно представить себе одно без другого. Но данный союз — не гармоничный тандем; порой создается впечатление, что авторы действовали независимо друг от друга. Это говорит и о том, что в экспедиции Л. Немировскому была предоставлена полная свобода деятельности, темы его работ жестко не регламентировались. Порой текст дополняет изобразительную часть, порой он гораздо ее шире. И наоборот — художник представляет нам мир более обширный, чем текст, значительно выходя за его рамки, как бы предлагая следовать своему воображению, умозрительно составлять впечатление о пока неведомом мире Восточной Сибири и самим описывать его, пусть даже не побывав там. Например, в альбом входят два вида Иркутска, но в тексте «Путешествия» Булычева о городе не сказано практически ничего. Это и понятно: художником Немировским Иркутск не мог быть не запечатлен, но ревизора Булычева он не интересовал, в фокусе его внимания была дальнейшая поездка. Между тем ли-

script form. The main aim of *The Pictorial Album* and Bulychev's *Journey*, as well as other similar publications of the time, was to expand knowledge of Siberia and to provide insight into the eastern frontiers of the Russian Empire. It is also noteworthy that the themes of the two albums are similar, with common sections, which does not seem a coincidence: information on the geography and natural resources of the area, rich ethnographic material, statistics, descriptions of cities and populations, and a detailed historical excursus. It is important to emphasize that the authors of such works were civil servants, officials who found themselves in eastern Russia ex officio. Thus, the appearance of such illustrated works is logical. It was of paramount importance to both the domestic and foreign policy of the empire: they were supposed to show the government's interest in the development of territories and to present them as inseparable parts of the vast country.

A Journey through Eastern Siberia consists of two parts, the textual and the illustrative, that are intended to complement each other. Nevertheless, it is impossible to ignore some inconsistencies between the two parts, although the textual part is preceded by a list of illustrations entitled “The collection of drawings for the *A Journey through Eastern Siberia* by I. Bulychev” [1, p. I–III]. According to the logic of the publication, each lithograph should have had a precise match in the text, but this principle was violated. However, when the different authorship of the illustrative part of the album was definitely stated, many contradictions and questions were resolved. Gone, for example, was the problem of alleged “omissions” in the text by I. D. Bulychev, because his text lacks the subjects of many of the lithographs. Now it is clear that the auditor and the artist went their own ways during the journey, each with his own vision of the world and his own tasks. This is why many of the illustrations are not reflected in the text.

In any case, the two-volume *A Journey through Eastern Siberia* is a collaborative effort of the writer and the draughtsman, it is impossible to imagine one without the other. But this alliance is not a harmonious tandem; at times we get the impression that the authors acted independently of each other. This is also indicative of the fact that Niemirowski was given full freedom of action in the expedition and the themes of his work were not strictly regulated. The text is often complementary to the lithographs and even much broader than the visual part. Similarly, the artist often goes considerably beyond the text, as if inviting us to follow our imagination, to create a mental picture of so far mysterious world of Eastern Siberia and to describe it on our own, even though we have never been there. For example, the album includes two views of Irkutsk, but the text says virtually nothing about the city. This is understandable: the artist Niemirowski

тографии несут важнейшую информацию, талантливо реконструированную Е. А. Добрыниной:

На одной из панорам — традиционное изображение города с северо-западной стороны. На переднем плане — Ангара с довольно оживленным движением по ней, но не лодок, а пешеходов, колясок и всадников. Объясняется это летним мелководьем, появлением мелей и островов, которые почти соединяли берега и были вполне пригодны для переправы. Рисунок Немировского представляет зрителю один из самых живописных видов Иркутска. Это единственный профессионально выполненный вид города того времени с прекрасно подмеченными и запечатленными особенностями водного режима Ангары. На второй панораме город запечатлен с Иерусалимской горы. Городская застройка в 40-х гг. XIX в. только поднимается к Иерусалимской горе. На первом плане — овраг и усадьба с традиционными для Сибири строениями. Левее, в глубине рисунка, — Успенская церковь, не сохранившаяся до нашего времени [8, с. 17].

Итак, констатируя двойное авторство двухтомного «Путешествия по Восточной Сибири» — художника и литератора, любопытно будет проследить, как же соединяются два различных начала, связанные одним изданием. Если пойти по стандартному пути, то есть внимательно вчитываться в текст и одновременно искать подтверждения сказанному в иллюстративной части, то можно сразу же почувствовать некоторое несоответствие, на которое указано выше, и даже диссонанс. Хотя по большей части два тома «Путешествия» все время пересекаются, а в некоторых фрагментах даже полностью совпадают. Проблема заключается в том, что произведение Булычева — это не научное описание Сибири и даже не записки любопытствующего путешественника. И. Д. Булычев прежде всего — ревизор, чиновник, посланный в Сибирь с контролирующей миссией. Его главная задача — дать информацию о состоянии края. Отсюда и несколько критический, оценивающий взгляд на все вокруг — хозяйство, национальный вопрос, пути сообщения и даже природные условия. Этим и отличается «Путешествие» от научных описаний Сибири или путевых записок и очерков. Многие вещи, которые заинтересовали бы ученого или путешественника, остаются вне поля зрения автора, и это вполне естественно. Исключение составляет, пожалуй, лишь этнографическая часть «Путешествия», особенно описание тунгусов, — видно, что это была тема, чрезвычайно заинтересовавшая автора и подробно им изученная не только по долгу службы. Наблюдения И. Д. Булычева, безусловно, представляют большой интерес для этнографии.

Но то, чего нам не хватает порой в тексте, мы с избытком находим у художника. Булычев и Немировский, конечно же, несколько по-разному видели Сибирь. Главными для И. Д. Булычева были состояние региона, народонаселения, путей сообщения, статистические сведения и т. п. — все то, что было

could not fail to depict Irkutsk, but the auditor Bulychev was not interested in it, as he was focused on further travel. Meanwhile, the lithographs contain crucial information, which has been skillfully reconstructed by E. A. Dobrynina:

One of the panoramas shows the traditional view of the town from the northwest side. In the foreground is the Angara River with rather busy traffic on it — not boats, but pedestrians, buggies, and riders. The reason for that were shallows and islands, which almost connected the banks and were quite suitable for crossing, — they have formed due to the summer low water period. Niemirowski's drawing presents the viewer with one of the most picturesque views of Irkutsk. It is the only professionally made view of the city at that time, with beautifully marked and captured features of the Angara River water regime. The second panorama shows the city from Jerusalem Mount. Urban development of the 1840s has merely reached the foothills of the Jerusalem Mount. There is a ravine and a manor house with traditional Siberian buildings in the foreground. The Dormition Church that has not survived to our time can be seen at the background to the left [8, p. 17].

So, having stated the double authorship of the two-volume *A Journey through Eastern Siberia*, it is interesting to trace how the two different origins — artistic and writerly — are combined in one publication. If one follows the standard path, *i.e.* reads the text carefully and then looks in the visual part for respective illustrations, one can immediately see some of the above-pointed inconsistency, and even dissonance. For the most part, though, the two volumes of the *Journey* overlap, and even coincide completely in some fragments. The problem is that Bulychev's work is not a scientific description of Siberia, nor even the notes of a curious traveller. I. D. Bulychev was first and foremost an auditor, an official sent to Siberia on a supervisory mission. His main task was to provide information on the situation in the region. Hence, a somewhat critical, evaluative view of everything around — the economy, inter-ethnic relations, communication routes, and even natural conditions. This is how the *Journey* differs from scientific descriptions of Siberia or travel notes and essays. Many things that would interest a scholar or traveller remain outside the author's field of interest, which is quite natural. The only exception is perhaps the ethnographic component of the *Journey*, and especially the description of the Tungus people. It is obvious that the author was extremely interested in this subject and studied it in detail, not only for professional reasons. The observations of I. D. Bulychev are certainly of great interest for ethnographers.

But if we miss something in the text, we may find it in abundance in the illustrations. Bulychev and Niemirowski looked at Siberia somewhat differently. I. D. Bulychev focused mainly on the situation throughout the region, population size, routes, statistics, and other things that were important for an audit report. He saw the world as an official gathering evidence he needed for his work

важно для составления отчета по ревизии. Он смотрел на мир глазами чиновника-ревизора, собирая важные для себя сведения и оценивая край с точки зрения государственной пользы. Для художника важно было другое — передача изобразительными средствами окружающего мира, его художественное осмысление, без чего невозможно творчество. Важно, что Немировский не просто формально выполнял свою работу рисовальщика, и это чувствуется в его иллюстрациях — мы видим в сюжетах глубокомыслие, философский подтекст. «В этом путешествии у меня было много свободного времени для размышлений, — писал он в одном из писем, — когда мой взор скользил по блестящим океанским волнам либо по снежным вершинам гор Станового хребта или проникал в темную густоту вековых лесов...» [9, с. 144].

Иллюстративная часть альбома по тематике и характеру представления материала соответствует научным описаниям Сибири того времени — особенно в бесспорно сильной этнографической части, а также это точные панорамы («снимки») городов, населенных пунктов, географических объектов и др. С тематикой путешествия иллюстрации сближают жанровые сценки. Но в целом иллюстративная часть, несомненно, демонстрирует классический научный подход — не вчитываясь в текст Булычева, а изучив иллюстрации, можно распространить этот взгляд и на первую часть «Путешествия». Вот почему часто оно попадает в разряд научных описаний Сибири, хотя, строго говоря, им не является. Для жанра научного описания Булычеву не хватает всестороннего взгляда на предмет, его анализа и оценки, сопоставления с другими явлениями того же порядка (это чувствуется даже в сильных этнографических фрагментах). Но, впрочем, он и не ставил перед собой такой цели, его задачей была в первую очередь критика, стремление точно описать предмет и выявить в нем недостатки — на что нужно обратить внимание и что исправить. Другими задачами были сбор разноплановой информации, описание края. Художник же смотрел на мир гораздо шире и гораздо шире видел свои задачи в этой экспедиции. Отсюда и некоторая разбалансированность двух частей «Путешествия» — текстовой и иллюстративной. И, важно отметить, в рисунках Л. Немировского полностью отсутствует критическая точка зрения на предмет.

Впрочем, там, где взгляды авторов совпадают, особенно при характеристике природных объектов, населенных пунктов, в этнографической тематике, даже в «утилитарных» предметах, «Путешествие по Восточной Сибири» становится максимально информативным. Например, И. Д. Булычев подробно описывает процесс заготовления и хранения рыбы — основного источника пропитания в Охотском округе. Естественно, как ревизора его очень волновал продовольственный вопрос, чрезвычайно важный для благосостояния края. Этот же сюжет (возможно, и по совету ревизии) привлекает художника — Л. Немировский создает интереснейшую иллюстрацию «Рыбные магазины

and assessing the land in terms of its usefulness to the empire. The artist, on the other hand, sought to make sense of the world around him and to convey its image by visual means, without which an artistic endeavour is impossible. It is important that Niemirowski not just formally fulfilled his work of the draughtsman, and one can feel it in his illustrations: we see meaningful subjects, philosophical byplay. “I have had much spare time for reflection during this journey,” he wrote in one of his letters, “as my eyes glided over the glistening ocean waves or over the snowy peaks of the Stanovoi Range, or penetrated dusky thickets of the centuries-old forests” [9, p. 44].

The illustrative part of the album resembles scientific descriptions of Siberia made in those times, especially the undoubtedly impressive ethnographic part and thoroughly drawn panoramas (“surveys”) of cities, settlements, geographical objects, etc., in terms of themes and the presentation character. Genre scenes bring the illustrations closer to the theme of travel. But, on the whole, the illustrative part undoubtedly demonstrates the classical scientific approach: one can extend this view to the first part of the *Journey* without even reading Bulychev’s text, but by studying the illustrations only. This is why it often falls into the category of scientific descriptions of Siberia, although, strictly speaking, it cannot be regarded as such. For this, Bulychev’s text lacks a comprehensive view of the subject, its analysis and evaluation, and comparison with other similar phenomena (which can be seen even in his good ethnographic passages). However, he did not set himself such a goal: his task was primarily to accurately describe the subject and identify its shortcomings that should be addressed and corrected. His other tasks were to collect diverse information and describe the region. The artist, on the other hand, had a much wider view of the world and saw his tasks in this expedition far more broadly. Hence a certain imbalance between the two parts of the *Journey* — the textual and the illustrative. And, importantly enough, L. Niemirowski’s drawings completely lack a critical point of view on the subject.

However, where the views of the authors coincide and overlap, especially in the descriptions of natural landscapes, settlements, ethnographic matters, and even household articles, *A Journey through Eastern Siberia* becomes highly informative. For example, I. D. Bulychev described in detail the process of procuring and storing fish, the primary food source in the Okhotsk District. Naturally, the auditor was very concerned with the food security governance that was extremely important for the well-being of the region. The same plot (possibly at the behest of revision) attracted the artist. L. Niemirowski made a very interesting lithograph “Fish Shops (Racks) in Okhotsk” which could perfectly illustrate Bulychev’s narrative. The result surpassed all expectations: we have a complete picture of the fishing industry in Okhotsk nearly two centuries ago.

(вешала) в Охотске», которую можно подробно подкрепить Булычевским текстом. Результат превосходит всяческие ожидания — спустя полтора века перед нами возникает полная картина рыбной отрасли Охотского края.

И. Д. Булычев находит свою нишу в пока еще только начинающейся истории сибирских описаний — он высоко ценит «ученые изыскания» своих знаменитых предшественников (Миллер, Фишер, Врангель), но выбирает новый путь, считая литературу о Сибири далеко не полной («много недосказанного и неразгаданного остается еще до сей поры») [1, с. 3]. И, надо признать, это ему вполне удается. В центре внимания автора статистика, характеристика географических условий и природных ресурсов края, состояние Русской православной церкви, просвещения и медицины, оценка экономики и перспектив дальнейшего освоения восточных территорий в плане геополитики. К примеру, исследуя народонаселение Охотского округа, Булычев задается естественным для ревизора вопросом, почему «оно с первых времен заселения края не сделало почти никаких успехов», а за последние 20 лет «в отношении прибыли и убыли» вообще не изменилось [1, с. 214]. Увидев истинное положение своими глазами, он делает выводы, что причины заключаются в кочевом образе жизни народов, сопряженном с особыми трудностями в суровом климате, отсутствии медицины и, как следствие, в высокой детской смертности и «свирепствующим эпидемически» болезнях, структуре питания, неблагоприятно влияющей на «народное здоровье» [1, с. 215–216].

Ревизия И. Н. Толстого выявила злоупотребления администрации как в центре генерал-губернаторства, так и на местах, но, по понятным причинам, в текст «Путешествия по Восточной Сибири» эта информация не вошла, хотя порой страницы книги пропитаны критикой низкой эффективности управления. У Булычева ясно читается мысль, что если бы администрация края действовала более энергично и в соответствии с законами, то развивались бы и торговля, и земледелие, росли бы благосостояние населения, его численность. В общем-то, И. Д. Булычев очень остро поставил вопрос о стагнации численности населения края в последние десятилетия и бездействии властей, а без развития человеческого ресурса дальнейшее освоение края становилось невозможным — отсюда в том числе и столь пристальное внимание автора к этнографической теме его «Путешествия».

Нельзя согласиться с распространенным мнением, что книга Булычева монотонна и суха, — это не художественный и даже не научно-публицистический текст, и уж конечно, не беллетристика — автор ставил перед собой совсем другие задачи и вполне с ними справился. Для вдумчивого и серьезно настроенного читателя его «Путешествие по Восточной Сибири» представляется информативным и захватывающим чтением. Нет нужды говорить о том, что для специалистов — историков, этнографов, географов и др. — данная книга с приложенными иллюстрациями представляет важный научный инте-

I. D. Bulychev found his own niche in the history of Siberian studies, which was still in its infancy: he highly valued the scientific research of his famous predecessors (Miller, Fisher, Wrangel), but he himself chose a new path, considering the contemporary literature on Siberia far from complete (“much remains untold and undiscovered to this day”) [1, p. 3]. And, it must be admitted, he succeeded quite well. Bulychev focused on statistics, geographical conditions, and natural resources of the region; described the status of the Russian Orthodox Church, education, and medicine; assessed the economy and prospects for further exploration of the eastern frontiers in terms of geopolitics. For example, when examining the population size of the Okhotsk District, Bulychev posed a natural question why “it had made little or no progress since the establishment of the first settlement in the region” and why it had not changed at all “in terms of population increase or decline” over the previous twenty years [1, p. 214]. Having seen the real situation with his own eyes, he concluded that the stable population size was due to the nomadic lifestyle of the locals associated with the harsh climate, lack of healthcare resulting in high child mortality and rampant disease outbreaks, as well as the nutrition structure that adversely affected “people’s health” [1, p. 215–216].

Tolstoy’s revision exposed abuses of administration both in the centre of the Governorate-General and locally, but, for obvious reasons, this information was not included in the text of the *A Journey through Eastern Siberia*, although the book is at times imbued with criticism of poor management efficiency. Bulychev’s message is clear: had the administration acted more energetically and in accordance with the laws, both trade and agriculture would have developed, and the well-being of the population and its number would have grown. In fact, I. D. Bulychev raised the question of the stagnation of the region’s population in recent decades and the inaction of the authorities. Without the development of human resources, further development of the region was impossible — hence, among other things, the author’s close attention to the ethnographic theme of his *Journey*.

We cannot agree with the popular opinion that Bulychev’s book is monotonous and dry — it is neither fiction nor even a popular science text. The author set himself quite different objectives and coped with them. His *A Journey through Eastern Siberia* appears to be informative and fascinating for a keen reader. Needless to say, his book with accompanying illustrations even today remains of important scientific interest for specialists — historians, ethnographers, geographers, and others. And, of course, we should pay tribute to the courage and dedication of the expedition participants, who can be rightly called Siberian pioneers of the 19th century, driven not by curiosity, but by the duty of service, the desire to benefit their country and participate in the development of the eastern frontier of the immense empire, to contribute to the building of a strong Russian state. But let us give the floor to Ivan Demyanovich Bulychev himself:

рес и сегодня. И, конечно же, нельзя не отдать должное мужеству и самоотверженности участников экспедиции, которых с полным правом можно назвать сибирскими первопроходцами XIX столетия, движимыми не любопытством, а долгом службы, желанием принести пользу своей стране и участвовать в освоении восточного фронта необъятной, великой империи, внести свой вклад в строительство сильного российского государства. Но предоставим слово самому Ивану Демьяновичу Булычеву:

Пробегаю рассказы мои, читатель может мне сделать вопрос: почему я во всех этих очерках говорю так мало о себе, о моем собственном я — вопреки обычаю, принятого современными путешественниками? Это по той причине, что все сказанное мною о других личностях может точно так же почти без всяких перемен и на каждом шагу повториться со мною и со всяким другим. Всякий другой точно так же на этих безлюдных пространствах будет вязнуть в болотах, бадаранах, отогреваться перед огнем чувалов, одеваться на морозе, встречать, как я сказал выше, лето и зиму на одной и той же ложке щей и, наконец, выдерживать на переходах в океане страшные штормы, как это мне самому удалось испытать на пути из Охотска в Камчатку, когда корабль, на котором я плыл, едва не был залит волнами; но все эти ужасы тогда только хороши, когда они становятся историей и когда возвратившийся путешественник может толковать об них, сидя в теплом кабинете [1, с. 297–298].

В представляемом вниманию читателей атласе иллюстрации воспроизводятся по экземпляру, хранящемуся в Научной библиотеке Русского географического общества (Санкт-Петербург), а подписи к публикуемым иллюстрациям представляют собой цитаты из «Путешествия по Восточной Сибири» И. Д. Булычева и писем Леопольда Немировского. Орфография (по возможности) и пунктуация цитат из сочинения И. Д. Булычева приведены к современным нормам, исправлены опечатки.

Екатерина Николаевна Туманик,
Государственная публичная научно-техническая библиотека
Сибирского отделения Российской академии наук

The reader, looking through my stories, may ask a question: why do I, in all these sketches, speak so little about myself, about my own self — contrary to the custom adopted by modern travellers? This is because everything I have said about other people can also be said about me and every other person, almost without any change and at every step. Any person, just as I said above, will stick in swamps and pools, warm themselves in front of the *chupal* fireplace, get dressed in the cold, meet summer and winter on one and the same spoonful of soup, and finally, they will face terrible storms during ocean passages, as I myself experienced on the way from Okhotsk to Kamchatka, when the ship that I went by was almost filled up by waves. But all those terrors are only good when they become history, and when the traveller can talk about them in the warmth of his study [1, p. 297–298].

The illustrations in this atlas were reproduced from the copy held in the Scientific Library of the Russian Geographical Society (St. Petersburg), and the captions to the published illustrations are quotations from *A journey through Eastern Siberia* by I. D. Bulychev and letters of Leopold Niemirowski. The orthography (if possible) and punctuation of the quotations from I. D. Bulychev's book were brought to modern standards, with typos corrected.

Ekaterina Nikolayevna Tumanik,
State Public Science and Technical Library,
Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences